УДК 811.511.132

А. С. Лобанова
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
г. Пермь

Одежда коми-пермяков как один из знаков символической картины мира народа: этнолингвистический аспект[1]

Одежда – один из ведущих элементов этнической культуры. Помимо своего основного назначения, одежда является выразителем национальной принадлежности, она тесно связана с историей и культурой народа. Смысловая и символическая нагрузка коми-пермяцкого народного костюма или элементов одежды еще не получили должного научного исследования, что позволяет говорить об актуальности данного исследования. Народные вербальные сокровищницы: пословицы, устойчивые сравнения, фразеологизмы, народные загадки и частушки считаются тем материалом, на основе которых можно «нарисовать» семасиологический «портрет» того или иного элемента одежды. Сохранившиеся обряды и ритуалы, предписания и запреты, приметы, фольклорные тексты, в которых «принимают участие» одежда или ее детали, – это те контекстуальные мотивационные элементы, позволяющие выстроить связь между образом и символом, между закономерностью и значимостью, связанными с одеждой, показать ее место в наивной картине мира народа.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, наименования одежды и обуви, семантико-мотивационный анализ, этнолингвистический анализ.

Коми-пермяцкая народная загадка:
Ӧрын ниртасӧ-ниртасӧ, вадӧрын вартласӧ-вартласӧ, лабичын нӧитасӧ-нӧитасӧ, а сылӧ абу зубыт (паськӧм).
«В корыте трут-трут, у реки бьют-бьют,
на лавке мнут-мнут, а ей не больно» (одежда).

Традиционный народный костюм коми-пермяков неоднократно привлекал внимание исследователей. Среди них были специалисты-этнографы, лингвисты и даже археологи. Историография темы за последние полтора столетия насчитывает десятки источников и публикаций [Рогов 1860; 1869; Теплоухов 1916; Белицер 1958; 1971; Грибова 1980;

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-18-20015 «Коми-пермяки в этнокультурном пространстве Прикамья».

Климова 1995; Альбом-каталог 2006 и др.]. В то же время тема настолько обширна и интересна, что вновь появляются поводы браться за новые размышления. В списке наших публикаций также есть несколько работ, посвященных наименованиям одежды [Лобанова 2008; 2013; 2014; 2015]. Общему обзору общеупотребительной и диалектной лексики коми-пермяцкого языка по тематической группе «одежда» посвящена наша статья «Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков», написанная в соавторстве с А. В. Черных (2014). В ней подверглись анализу общие номинации одежды, наименования головных уборов, плечевой и поясной одежды, верхней одежды и обуви. Лингвистические материалы демонстрируют бытование достаточно развитой и, что интересно, вариативной терминологии одежды. «Лексика традиционного костюма дает обширный материал для ареальных исследований диалектной речи, этимологических изысканий, изучения межэтнических контактов народов Урала» [Лобанова, Черных 2014: 24].

Одежда – один из основных элементов этнической культуры. Ей свойственны изменчивость и традиционность. С одной стороны, она может стремительно меняться (дань моде надо соблюдать), с другой стороны, одежда на протяжении не одного столетия может сохранять древние черты в покрое, украшениях, названиях. Получается, что она, выполняя свое основное назначение, является еще и выразителем национальной принадлежности и, следовательно, теснейшим образом связана с историей народа, его материальной и духовной культурой. Смысловая и символическая нагрузка коми-пермяцкого народного костюма или отдельных элементов одежды еще не получили должного научного исследования, что позволяет говорить об актуальности обозначенной проблемы.

Лексико-грамматическое поле «одежда» для любого языка представляет сложный и очень глубокий пласт в лексической системе. Особенностью бытования лексики традиционного костюма коми-пермяков является значительный пласт русской лексики. Это обусловлено, прежде всего, активными межэтническими контактами двух народов на протяжении многих столетий. Формирование в регионе единого комплекса материальной культуры, проявившееся в формах хозяйствования и орудиях труда, усадебном комплексе, жилище, не могло не отразиться на традиционном костюме [СРГКПО 2006]. Сравнение костюмного комплекса коми-пермяков XIX – начала XX в. показывает его существенную близость севернорусскому костюмному комплексу, нежели одежде средневекового финно-угорского населения региона [Крыласова 2001; 2007]. В первую очередь, как отмечают исследователи, были восприняты женские головные уборы на твердой основе, прежде всего, кокошники [Теплоухов 1916; Чагин 1995: 309–310], а также плечевая одежда – разные варианты сарафана. Для их наименования в коми-пермяцком языке

используются, как правило, заимствованные термины. Среди наименований мужских головных уборов также нет исконных вариантов: *шапка*, *фуражка* (фон. *курашка* или *пурашка*), *шляпа*, *кепка*, уст. *малахай* и др., что, казалось бы, противоречит объективной реальности, поскольку суровые условия проживания подразумевают наличие такого предмета как шапка. Одним словом, новые предметы одежды проникали в коми-пермяцкую среду вместе с русскими терминами. Хотя иногда коми-пермяки старались придумать новые слова на основе родного и заимствованного компонентов. Так, на севере округа валенки могут до сих пор назвать лексемой *гынсапӧг* (букв. «войлочный сапог») [Голева и др. 2011: 110]. А в XIX столетии (судя по работам Н. А. Рогова) пермяки пользовались лексемой *пеляшапка* (букв. «шапка с ушами») для обозначения малахая [Рогов 1869: 278]. В приведенных примерах коми-пермяцкая часть (*гын* «войлок», *пеля* «с ушами, ушастый») выступает в качестве определения-уточнения, а русская (*сапӧг* < *сапог, шапка*) – реализует вид одежды.

Первичная и вторичная номинации наименований одежды. По одежде довольно легко определить социальный статус человека, его материальный достаток, а иногда по нему можно попытаться обозначить характер человека. Вот поэтому многие лексемы, обозначающие это семантическое поле, постепенно приобрели образность и символизм. Отметим, что в коми-пермяцкой лингвокультурологии наиболее широким и выразительным коннотативным спектром обладают такие единицы одежного кода, как *нинкӧммез* «лапти», *вешьяннэз* «штаны», *кеписсез* «варежки» и др.

Образные лексемы закрепились в народном сознании, вошли в образные вербальные выражения и тексты, служат маркерами культурных составляющих. Такие фразеологизмы, как *быздӧм дубас* (букв. «распустившийся дубас»), *бырӧм вешьян* (букв. «износившиеся брюки»), *вешьянтӧм морт* (букв. «человек без штанов»), характеризуют материальные возможности человека: приведенные устойчивые выражения указывают на бедность, отсутствие возможности обновить гардероб. Плохое качество одежды, ее сильная изношенность или отсутствие указывают на сложности в приобретении новых вещей. Качественные характеристики одежды связаны с *дубасом* и *штанами*, вещами, которые значимы и обязательны в ежедневной жизни; вещи, которые в первую очередь оцениваются глазами. Заметим, что язык обозначил данную смысловую нагрузку как для женщин, так и для мужчин.

На недостойную обувь, ее непригодность или обыденность у стесненного в средствах человека также могут указывать устойчивые выражения с соответствующими наименованиями: *бырӧм нинкӧм* (букв. «износившийся лапоть»), *резьдӧм отопки* (букв. «распустившийся отопок»). Неприглядная обувь может сопровождаться и одиночными, отрицательно

коннотированными лексемами: *тюни*, *чуни*, *чушни*, *отопки*, *чакчури* (*Магазинас чакчуриэз вайӧмась* в зн. «в магазин привезли не очень хорошую обувь»). Отметим, что все лексемы иноязычного происхождения. Зачастую при заимствовании, оставаясь в семантическом поле «обувь» они стали обозначать либо другой вид обуви, чем их первоначальное значение, либо приняли дополнительную стилистическую окраску, как правило, с отрицательным контекстом. Так, *чакчури* в языке коми-пермяков обозначает всю некрасивую, некачественную обувь. Первоначальное значение данного слова и его этимология у В. Даля и М. Фасмера немного рознятся. Если В. Даль под словом *чакчуры* принимает «женскую обувь пониже котов» [Даль 1882: 581], то М. Фасмер под словом *чакчуры* (*чахчуры*) понимает «высокие башмаки у крестьянок» [Фасмер 1996: 312]. Но что объединяет слова *тюни*, *чуни*, *чушни*, *отопки*, *чакчури*? То, что обувь с этими наименованиями изготовлена, как правило, в домашних условиях, следовательно, не все они достойного качества и не всегда соответствуют требованиям внешней красоты, отсюда и возникает отрицательная коннотация.

Реализуется ли в языке семантика богатства наименованиями одежды? Да, безусловно. О богато одетом человеке скажут: *волькыта пасьтасьӧм* (букв. «гладко одет»), выражение соотносится с русским фразеологизмом «одет с иголочки». *Но и волькыта пасьтасьӧмыт тэ* (букв. «Ну и гладко (хорошо, богато) ты одет»). Активно в использовании выражение *паськӧмыс вывтас чегӧ* (букв. «одежда на нем (на ней) ломается»). Оно тоже близко к русскому варианту «одет с иголочки». *Паськӧмыс Егорлӧн вывтас чегӧ, свиттялӧны лаковӧй сапоггез, юрси кыдз виа бордӧн малыштӧм* (букв. «Одежда на Егоре ломается, сверкают лаковые сапоги, волосы будто масленым пером смазаны») (М. Лихачев). Заметили, что в приведенных выражениях нет конкретизации в одежде: все в одежде должно быть ладным, новым, достойным. Оппозиция бедность – богатство с конкретизацией одежды или обуви выступает и в народных пословицах. *Нинкӧм сапоглӧ не пара* (досл. «Лапоть сапогу не пара»), *нинкӧм чаркилӧ абу ёрт* (досл. «Лапоть чарке (старинные кожаные башмаки) не товарищ». Вот в них лапти, как конкретный вид обуви, реализуют мотив бедности, а сапоги и кожаные башмаки – мотив достатка. Коннотативные спектры наименований сапог и чарки в коми-пермяцкой паремиологии практически всегда сопровождают семантику достатка, добротности, привлекательности, и только народная частушка опровергает это мнение.

Подӧн Перемӧдз ме муні,
Да нинкӧммез быръті,
Сьӧд чаркиэз ме кӧмалі,
Карагайӧдз тырмисӧ.

Пешком до Перми я дошла,
Да лапти износила,
Черные чарки я обула,
До Карагая их хватило.

Контекст частушки раскрывает, что качество женской кожаной обуви (чарки) в два раза ниже качества лаптей, поскольку их хватило лишь на полдороги.

Образу лаптя (*нинкӧм*), составлению его семасиологического «портрета» обращаются многие исследователи. Очень интересным и детальным оказался «портрет» в диссертационной работе «Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции» А. В. Тихомировой (2013). Исследовательница выделяет массу мотивов и образов: повседневность, неаккуратный вид, несовместимость с богатством, межличностные и семейные отношения, старость, отношение к крестьянству, глупость, невежество, грубость и т. д. [Тихомирова 2013: 28–58]. Материалы коми-пермяцкого языка, к сожалению, не демонстрируют такого широкого спектра образов, тем не менее, наш «портрет» лаптя (*нинкӧм*) тоже интересен. В одной из наших статей отмечено: «лапоть (*нинкӧм*), если нарисовать его семасиологический портрет с учетом более широкого паремиологического материала, транслирует такие реалии как дом, родная сторона, что-то свое, надежное, доступное. Явных отрицательных коннотаций лапоть в языке коми-пермяков не вызывает. Мотивы глупости и невежества, так часто встречающиеся в русской лингвокультурологии, по отношению к лаптю, в коми-пермяцком материале не встречаются» [Лобанова 2015: 222]. Мотивы парности, передвижения, доступности и простоты в изготовлении, надежности, большого размера, несимпатичности, реализующиеся через устойчивые сравнения, фразеологизмы, пословицы и поговорки, частушки, загадки, позволяют составить вполне приличный «портрет» лаптя (*нинкӧм*).

Таким образом, раскрывая вторичные номинации наименований одежды в языке коми-пермяков, выявляя их мотивационные признаки, можно утверждать, что внешние признаки одежды и обуви, их функциональный аспект, добротность и доступность влияют на активность механизма возникновения метафорического переноса. На образование вторичных значений «одежных» наименований, оказывается, значительную роль играет их расположение в костюме: наименования, относящиеся к нижней части (*нинкӧм* «лапоть», *чарки*, *вешьян* «штаны», *дубас*, *сапог* и др.) являются наиболее активными в плане получения дополнительной коннотации, чем наименования одежды, связанные с верхней частью одежды.

Культурная значимость одежды находит свое отражение и в обрядах, в различных предписаниях или запретах. Безусловно, это важнейшее направление народных традиций, до сих пор хранящееся в памяти народа и реализующееся в нужное время и в нужной ситуации, заслуживает от-

дельного исследования. На акциональном и ментальном уровнях очень много общих культурологически значимых моментов, связанных с ролью одежды, с севернорусскими и другими финно-угорскими традициями. Заблудившийся в лесу грибник искренне верит, что найдет дорогу домой, если вывернет одежду наизнанку. Наизнанку одетая рубашка в бане должна в таком виде носиться до следующей стирки. Сильным оберегом считался мужской пояс – кушак: чаще как противостояние нечистой силе. Ни в коем случае не следует крутить шапку – голова закружится, заболит. Собираясь в дальнюю дорогу, не следует переодеваться несколько раз, иначе дорога не получится. Надевая платок на голову, женщине надо обратить внимание, чтобы меньшая часть платка не оказалась сверху. Иначе можно услышать насмешки, связанные с интимными отношениями.

Одеждой можно было навести порчу, она же могла нести и защитную функцию.

Очень часто одежда (или элементы одежды) играет знаково-символические функции. Самой содержательной здесь является похоронно-поминальная обрядность. Самым сильным защитником, и особенно в судебных делах, является одежда, в которой человек умер. В некоторых семьях она хранится в доме как общий оберег. В народе существует убеждение, что нельзя надевать на усопшего нестиранную одежду (хоть раз, но одежду надо постирать). Обязательное наличие одежды умершего в доме до сорока дней, причем домашние очень тщательно отслеживают ее состояние: не шевельнулась ли, не упала ли. Одаривание одежды умершего после сорока дней.

Таким образом, народные вербальные сокровищницы: пословицы, устойчивые сравнения, фразеологизмы, частушки и загадки; а также знаковые системы, такие как обряды, ритуалы, фольклорные тексты, в которых «принимают участие» одежда или ее детали, – все вместе позволяют собрать всю мозаику традиционной культуры, связанную с костюмом коми-пермяков.

Литература

Альбом-каталог 2006 – Альбом-каталог коми-пермяцкого национального костюма: из собрания Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2006. 88 с.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. М., 1958. 390 с. (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 45).

Белицер В. Н. Финно-угорские народы Европейского Севера // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начала XX в.). М.: Советская Россия, 1971. С. 260–287.

Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: история, культура, язык: этнолингвистический сборник. Пермь, 2011. 244 с. (Труды Института языка и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VIII).

Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980. 239 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Цитадель, 1882. 683 с.

Климова Г. Н. Текстильный орнамент коми. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1995. 132 с.

Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001. 260 с.

Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007. 352 с.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: материалы и исследования. Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2008. 188 с.

Лобанова А. С. Наименования одежды в языке коми-пермяков. Ареальный и функциональный аспект // Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы: сб. науч. ст. Сыктывкар, 2013. С. 72–80.

Лобанова А. С., Черных А. В. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков // Урало-алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 24–39.

Лобанова А. С. «Одежный» код в коми-пермяцких фразеологизмах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф. Пермь, 2015. С. 218–223.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2, отд. 2. С. 1–127.

Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. 421 с.

СРГКПО 2006 – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

Теплоухов А. Ф. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Вып. 2. Пермь, 1916. С. 122–137.

Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 350 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. 3-е изд., стереотип. СПб., 1996. 861 с.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. Пермь, 1995. 364 с.